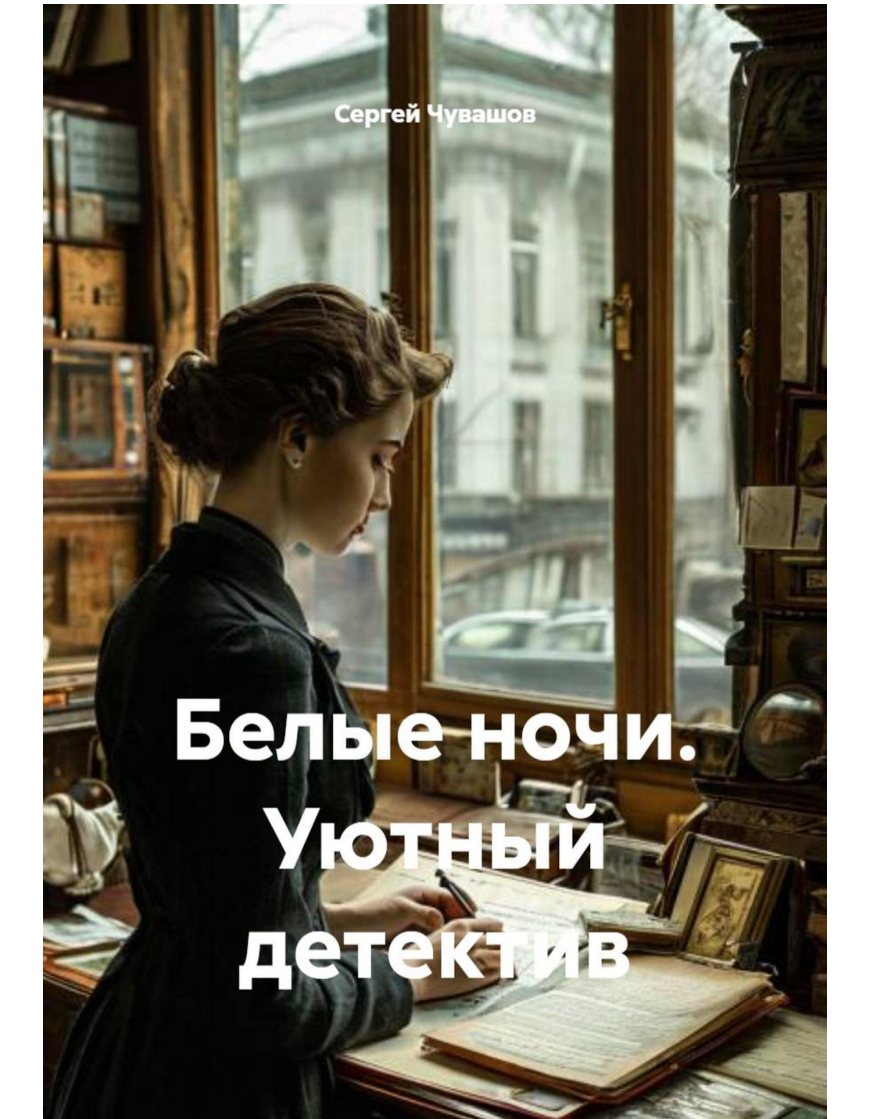

A woman with her hair in a bun, wearing a dark, high-collared dress, is seated at a wooden desk. She is looking down, writing in a notebook with a pen. The desk is cluttered with various items, including an open book, a small framed picture, and some papers. To her right is a large, ornate wooden clock. Behind her is a large window with multiple panes, looking out onto a street with a car and a building. The scene is lit with warm, natural light from the window.

Сергей Чувашов

Белые ночи. Уютный детектив

Сергей Чувашов

Белые ночи. Уютный детектив

<https://litres.ru/73847311>

SelfPub; 2026

Аннотация

В туманном Ленинграде 1960-х годов антиквар Елена Воронцова находит в старинном секретере загадочное письмо, написанное более полувека назад. Письмо содержит намёки на исчезновение молодой балерины Мариинского театра накануне революции.

Когда в её антикварной лавке происходит странная кража — воры берут только старые фотографии и документы — Елена понимает, что кто-то отчаянно ищет следы той давней истории. Вместе с журналистом Андреем Соколовым она погружается в расследование, которое ведёт их по туманным набережным Невы, через дворы-колодцы и коммунальные квартиры, где до сих пор живут свидетели ушедшей эпохи.

Но чем глубже они копают, тем опаснее становится их поиск. Кто-то готов на всё, чтобы тайна белых ночей осталась погребённой навсегда.

Сергей Чувашов

Белые ночи.

Уютный детектив

Глава 1. Осенний туман

Туман поднимался с Невы неторопливо, словно призрак старого Петербурга, который никак не мог смириться с новым именем города. Елена Воронцова стояла у окна своей антикварной лавки на Литейном проспекте и наблюдала, как серая пелена окутывает фонари, превращая их в размытые жёлтые пятна.

— Опять дождь собирается, — пробормотала она, поправляя шерстяную шаль на плечах.

Октябрь 1965 года выдался особенно промозглым. Листья на деревьях давно пожелтели и теперь мокрыми комьями лежали на тротуарах, напоминая о том, что лето безвозвратно ушло. Но Елена любила это время года — в нём была особая меланхолия, которая так подходила её характеру и роду занятий.

Антикварная лавка «У Воронцовой» располагалась в старинном доме с высокими потолками и скрипучими полови-

цами. Здесь, среди фарфоровых статуэток, потемневших от времени картин и мебели прошлых веков, Елена чувствовала себя хранительницей ушедших эпох. Каждая вещь в её лавке имела свою историю, и она умела эти истории читать.

Звонок над дверью мелодично зазвенел, возвещая о посетителе. Елена обернулась и увидела пожилого мужчину в потёртом пальто. Седые волосы выбивались из-под шляпы, а глаза за очками в роговой оправе смотрели устало, но внимательно.

— Добро пожаловать, — мягко произнесла Елена, подходя к нему. — Чем могу помочь?

— Меня зовут Иван Петрович Кузнецов, — представился посетитель, снимая шляпу. — Я слышал, что вы покупаете старинные вещи. У меня есть кое-что... семейное.

Елена кивнула. Такие визиты случались регулярно — люди приносили наследство бабушек и дедушек, не зная истинной ценности доставшихся им предметов.

— Конечно, показывайте. Что у вас?

Иван Петрович достал из сумки небольшой деревянный ящичек, покрытый резьбой.

— Это шкатулка моей покойной тётки. Она всю жизнь прожила в коммуналке на Фонтанке, никого из родни не было, кроме меня. Вот, оставила мне это... — Он вздохнул. — А мне уже семьдесят, детей нет. Зачем мне эти старые вещи?

Елена взяла шкатулку в руки. Дерево было тёплым и гладким, резьба — тонкой работы. Явно начало века, а может, и конец девятнадцатого.

— Красивая работа, — оценила она. — А что внутри?

— Всякая всячина. Письма какие-то, фотографии... Тётя Клавдия была странной, всё собирала, ничего не выбрасывала.

Елена осторожно открыла шкатулку. Внутри действительно лежали пожелтевшие конверты, несколько фотографий в картонных рамочках и... её внимание привлёк небольшой секретер из красного дерева, стоявший в углу лавки.

— А вот это, — она указала на секретер, — тоже от вашей тётки?

— Да, да. Я его вчера привёз. Думал, может, продать можно. Тяжёлый очень, еле дотащил.

Елена подошла к секретеру и провела рукой по полированной поверхности. Мебель была в отличном состоянии, явно дореволюционная работа.

— Позвольте осмотреть его внимательнее?

— Конечно, конечно.

Она начала открывать ящички и отделения. В большинстве из них не было ничего интересного — старые счета, засохшие чернила в пузырьке, перья для письма. Но когда Елена нажала на одну из деревянных панелек, та подалась внутрь, и открылся потайной ящичек.

— Ой, — удивился Иван Петрович. — А я и не знал, что там есть тайник.

В ящичке лежал конверт из плотной бумаги, запечатанный красным сургучом. На нём красивым почерком было написано: «Анна Белинская. Личное».

— Это тоже ваше, — сказала Елена, протягивая конверт мужчине.

Тот покачал головой:

— Да нет, берите себе. Мне эти старые письма ни к чему. Сколько за секретер дадите?

Они быстро договорились о цене. Иван Петрович, получив деньги, поспешно ушёл, оставив Елену наедине с новыми приобретениями.

Она заперла дверь лавки, повесив табличку «Закрыто», и прошла в маленькую комнатку за торговым залом, где стояли кресло, столик и электрический самовар. Это было её убежище, место, где она могла спокойно изучать новые находки.

Устроившись в кресле с чашкой чая, Елена осторожно вскрыла конверт. Внутри оказались два листа бумаги, исписанные тем же красивым почерком.

«15 февраля 1917 года

Дорогая Вера!

Пишу тебе в последний раз. То, что я узнала вчера вечером, изменило всё. Я больше не могу оставаться в театре, не могу жить прежней жизнью. Они убили его, Вера. Убили прямо в его кабинете, а потом сделали так, будто он умер от сердечного приступа.

Я видела всё из коридора. Видела, как они входили к нему втроём, как выходили через полчаса. А утром в газетах написали о внезапной смерти статского советника Волконского.

Но я знаю правду. И они знают, что я знаю.

Завтра я уезжаю. Не ищи меня. Если что-то случится со мной, помни — истина спрятана там, где танцуют лебеди под звёздами. Ты поймёшь.

Твоя навсегда,
Анна»

Елена медленно опустила письмо. Сердце билось чаще обычного. Анна Белинская... Это имя ей ничего не говорило, но упоминание Мариинского театра (где ещё могли танцевать лебедей?) и статского советника Волконского интриговало.

Она взяла второй лист. Это оказался список каких-то адресов и имён, написанных тем же почерком, но более торопливо:

«Особняк на Каменном острове — синий кабинет
Граф Шереметев — знает о деньгах

Мадам Розенталь — хранит документы
Подвал дома 15 по Гороховой — там всё»

Внизу листа стояла приписка: «Если меня не станет — передать Андрею Соколову из газеты "Петербургские ведомости"».

Елена отложила письма и задумалась. За окном сгущались сумерки, и туман становился всё плотнее. Где-то вдалеке прозвучал гудок теплохода на Неве.

Что это было? Мистификация? Или она действительно держала в руках свидетельство какой-то давней трагедии?

— Анна Белинская, — прошептала она. — Кто ты такая?

Елена встала и подошла к книжному шкафу, где хранились справочники и альбомы по истории Петербурга. Нужно было узнать больше об этой загадочной балерине и о том, что случилось в феврале 1917 года.

За окном начал накрапывать дождь, и капли стекали по стеклу, словно слёзы о давно ушедших временах. А в маленькой комнатке за антикварной лавкой женщина листала старые книги, не подозревая, что только что прикоснулась к тайне, которая изменит её жизнь навсегда.

Глава 2. Следы в библиотеке

Утро встретило Елену серым светом, пробивающимся сквозь тяжёлые облака. Она проснулась рано, хотя накануне не засиделась допоздна, изучая справочники и альбомы. Сон был беспокойным — ей снились туманные улицы старого Петербурга и женщина в белом платье, которая танцевала на пустой сцене театра.

Быстро позавтракав чаем с бутербродом, Елена заперла лавку и отправилась в Публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина. Если где и можно было найти информацию об Анне Белинской, то только там, в архивах старых газет и театральных программ.

Библиотека встретила её привычной тишиной и запахом старых книг. Елена прошла в читальный зал, где за длинными столами уже сидели первые посетители — студенты, преподаватели, исследователи. Она подошла к библиотекарю, пожилой женщине в очках на цепочке.

— Добрый день. Мне нужны материалы о Мариинском театре за 1916-1917 годы. Особенно интересуют программки спектаклей и газетные рецензии.

— Театральный архив, — кивнула библиотекарь. — Проходите в зал номер три, там специализированный фонд.

Спросите Марию Сергеевну, она вам поможет.

Мария Сергеевна оказалась женщиной лет пятидесяти с внимательными карими глазами и седеющими волосами, собранными в аккуратный пучок.

— Театр в революционные годы? — переспросила она, выслушав просьбу Елены. — Интересная тема. А что именно вас интересует?

Елена на мгновение задумалась. Рассказывать о найденном письме или придумать другую причину?

— Я изучаю судьбы артистов того времени, — сказала она осторожно. — Меня интересует одна балерина — Анна Белинская. Слышали о такой?

Лицо Марии Сергеевны изменилось. В глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Белинская... — медленно произнесла она. — Да, конечно. Очень талантливая танцовщица. Но её карьера оборвалась внезапно. Она исчезла в феврале 1917 года, прямо перед премьерой "Лебединого озера".

— Исчезла? — Елена почувствовала, как участилось серд-

цебиение.

— Да. Никто не знал, что с ней случилось. Одни говорили, что она уехала к родственникам в провинцию из-за революционных волнений. Другие поговаривали о романе с каким-то влиятельным человеком... — Мария Сергеевна понизила голос. — Но официально считалось, что она просто покинула театр по собственному желанию.

— А документы о ней сохранились?

— Кое-что есть. Подождите, я принесу папку.

Мария Сергеевна ушла в архивное помещение, а Елена осталась сидеть за столом, обдумывая услышанное. Значит, Анна Белинская действительно существовала и действительно исчезла именно тогда, когда было написано письмо.

Через несколько минут библиотекарь вернулась с толстой папкой.

— Вот, смотрите. Здесь программки спектаклей, где участвовала Белинская, несколько рецензий и... — она достала фотографию, — её портрет из театрального альбома.

Елена взяла фотографию и ахнула. На неё смотрела молодая женщина необыкновенной красоты — тёмные воло-

сы, большие выразительные глаза, точёные черты лица. Но больше всего поразило выражение этих глаз — в них была какая-то затаённая печаль, словно она уже знала о своей трагической судьбе.

— Красивая, правда? — заметила Мария Сергеевна. — Говорили, что у неё был особый дар — она могла передать в танце любые чувства. Зрители плакали, когда она танцевала умирающего лебедя.

Елена изучала программки спектаклей. Анна Белинская танцевала главные партии в "Лебедином озере", "Жизели", "Баядерке". Последний спектакль с её участием состоялся 10 февраля 1917 года — за пять дней до даты письма.

— А вы не знаете, кто такой статский советник Волконский? — осторожно спросила Елена.

Мария Сергеевна нахмурилась:

— Волконский... Кажется, он был в попечительском совете театра. Богатый меценат, покровительствовал искусствам. Но умер он как раз в те дни... от сердечного приступа, если память не изменяет.

— В феврале 1917-го?

— Да, именно. А почему вы спрашиваете?

— Просто... изучаю связи артистов с покровителями театра, — соврала Елена.

Она продолжала изучать документы, делая заметки в блокноте. В одной из газетных вырезок нашла небольшую заметку о смерти статского советника Александра Николаевича Волконского: "Скоропостижно скончался от сердечного приступа в своём кабинете 16 февраля 1917 года. Похороны состоятся..."

Шестнадцатое февраля — на следующий день после письма Анны. Совпадение? Вряд ли.

— Мария Сергеевна, — обратилась Елена к библиотекарю, — а где можно найти информацию о журналистах газеты "Петербургские ведомости" того времени?

— В газетном архиве. Но это другой отдел. Хотите, провожу?

Через полчаса Елена сидела уже в другом зале, изучая подшивки "Петербургских ведомостей" за 1917 год. Фамилия Соколов встречалась довольно часто — Андрей Соколов

писал статьи о культурной жизни города, театральные рецензии, очерки о художниках и писателях.

В номере от 18 февраля 1917 года она нашла его статью о внезапном исчезновении Анны Белинской:

"Театральная общественность взволнована загадочным исчезновением примы-балерины Анны Белинской. Талантливая артистка, готовившаяся к главной роли в премьере "Лебединого озера", покинула Петербург, не объяснив причин своего решения. Дирекция театра выражает сожаление и надеется на скорое возвращение любимицы публики..."

Но самое интересное Елена нашла в конце статьи:

"Автор этих строк имел честь беседовать с г-жой Белинской незадолго до её отъезда. Артистка казалась взволнованной и упоминала о каких-то важных обстоятельствах, которые вынуждают её временно оставить сцену. Будем надеяться, что время расставит всё по своим местам, и истина торжествует."

— Значит, она всё-таки встречалась с Соколовым, — про-
бормотала Елена.

— Простите, вы что-то сказали? — обернулся сидевший

рядом студент.

— Нет, ничего. Просто думаю вслух.

Елена продолжала изучать архивы до самого вечера. К закрытию библиотеки у неё была уже целая тетрадь записей. Картина постепенно прояснялась: Анна Белинская действительно исчезла при загадочных обстоятельствах, статский советник Волконский умер на следующий день после её письма, а журналист Соколов явно знал больше, чем написал в своей статье.

Выйдя на улицу, Елена почувствовала, как холодный вечерний воздух обжигает щёки. Фонари уже зажглись, отражаясь в лужах на мокром асфальте. Она шла по Невскому проспекту, обдумывая найденную информацию.

Внезапно ей показалось, что за ней кто-то следит. Обернувшись, она увидела мужчину в тёмном пальто, который остановился у витрины магазина. Когда их взгляды встретились, он быстро отвернулся.

"Показалось", — подумала Елена, но всё же ускорила шаг.

Дома, в уютной комнатке за лавкой, она заварила чай и разложила на столе все свои записи. Письмо Анны лежало

рядом, и при свете настольной лампы почерк казался особенно изящным.

— Что же ты видела, Анна? — прошептала Елена, глядя на фотографию балерины. — И почему это до сих пор кого-то волнует?

За окном завывал ветер, и старый дом поскрипывал, словно рассказывая свои секреты. А в маленькой комнатке женщина сидела над старыми документами, не подозревая, что завтра её жизнь изменится окончательно.

Потому что завтра она встретит человека, который поможет ей разгадать тайну белых ночей. Или погубит её.

Глава 3. Неожиданная встреча

Елена проснулась от звука разбитого стекла. Сердце бешено заколотилось — звук донёсся из лавки. Она схватила халат и, не зажигая света, осторожно приоткрыла дверь, ведущую в торговый зал.

Лунный свет, пробивающийся сквозь витрину, освещал фигуру мужчины, который рылся в ящиках старинного комода. Елена затаила дыхание. Грабитель двигался уверенно, словно точно знал, что ищет.

Она тихо отступила назад и взяла телефонную трубку, но тут же поняла — звонить в милицию поздно. Нужно было что-то предпринимать сейчас.

Внезапно незванный гость замер и повернул голову к двери. Елена успела заметить только тёмный силуэт, прежде чем мужчина стремительно направился к разбитому окну и исчез в ночи.

Дрожащими руками она включила свет. Лавка была перевернута вверх дном — ящики выдвинуты, книги разбросаны по полу, картины сняты со стен. Но странно — дорогие вещи остались нетронутыми. Фарфоровые статуэтки, серебряные подсвечники, антикварные часы — всё было на месте.

— Что же он искал? — пробормотала Елена, оглядывая разгром.

Ответ пришёл сам собой, когда она увидела, что секретер, купленный накануне у Ивана Петровича, взломан. Все ящички были выдвинуты, а потайное отделение зияло пустотой.

— Письмо, — прошептала она. — Он искал письмо Анны.

К счастью, конверт с документами лежал в её комнате, на

письменном столе. Но сам факт ночного визита пугал. Значит, кто-то знал о существовании письма и готов был на всё, чтобы его заполучить.

Елена провела остаток ночи, приводя лавку в порядок и размышляя о случившемся. К утру она приняла решение — нужно найти журналиста Андрея Соколова или его потомков. Возможно, в семье сохранились какие-то документы о той давней истории.

После завтрака она отправилась в редакцию "Ленинградской правды" — правопреемницы дореволюционных "Петербургских ведомостей". Здание на Фонтанке встретило её суетой и запахом типографской краски.

— Андрей Соколов? — переспросил дежурный редактор, выслушав её вопрос. — А, вы про нашего Андрея Викторовича! Он как раз сегодня должен прийти. Пишет материалы о культурном наследии города. А зачем он вам?

— У меня есть информация, которая может его заинтересовать, — уклончиво ответила Елена.

— Тогда подождите в коридоре. Он обычно приходит к одиннадцати.

Елена устроилась на скамейке в коридоре, наблюдая за снующими туда-сюда журналистами. Ровно в одиннадцать в редакцию вошёл мужчина лет тридцати пяти, высокий, с тёмными волосами и внимательными серыми глазами. На нём была потёртая кожаная куртка и вязаный свитер.

— Андрей Викторович Соколов? — обратилась к нему Елена.

Он остановился и посмотрел на неё с любопытством:

— Да, это я. А вы...?

— Елена Воронцова. Мне нужно с вами поговорить. Это касается вашего деда.

Брови Андрея удивлённо поднялись:

— Деда? Андрея Петровича? Но он умер ещё до моего рождения... Что вы о нём знаете?

— Не здесь, — оглянулась Елена на снующих вокруг людей. — Можно где-нибудь поговорить наедине?

Андрей задумался на мгновение, изучая её лицо. Видимо, что-то в её выражении убедило его в серьёзности ситуации.

— Хорошо. Есть кафе рядом, "У Литейного моста". Встретимся там через полчаса?

Кафе оказалось уютным местечком с деревянными столиками и запахом свежей выпечки. Елена выбрала столик в углу, подальше от других посетителей. Андрей пришёл точно в назначенное время, неся два стакана чая.

— Итак, — сел он напротив, — что вы знаете о моём деде? И откуда?

Елена достала из сумочки конверт с письмом Анны Белинской.

— Вчера я купила старинный секретер. В потайном ящичке нашла это, — она протянула ему письмо. — Прочитайте.

Андрей взял листы и начал читать. Елена наблюдала, как менялось выражение его лица — удивление сменялось интересом, а затем тревогой.

— Анна Белинская, — пробормотал он, дочитав до конца. — Боже мой... А вы знаете, кто это?

— Балерина Мариинского театра. Исчезла в феврале 1917

года.

— Да, но не только. — Андрей отложил письмо и посмотрел на Елену серьёзно. — Она была моей прабабушкой.

Елена ахнула:

— Что?

— Анна Белинская была матерью моего деда. Он родился в 1895 году, значит, ему было двадцать два, когда она исчезла. — Андрей потёр лоб. — Дед всю жизнь искал её. Говорил, что она не просто сбежала, а что с ней что-то случилось.

— И что он выяснил?

— Немного. Знал, что она была свидетельницей какого-то преступления. Но все документы сгорели во время блокады, когда немцы бомбили наш дом. Дед очень переживал из-за этого.

Елена рассказала о своих находках в библиотеке, о статье его деда в "Петербургских ведомостях", о ночном визите грабителя.

— Значит, кто-то до сих пор заинтересован в том, чтобы

эта история не всплыла, — задумчиво произнёс Андрей. — Но почему? Прошло почти пятьдесят лет.

— Может быть, потому что потомки тех людей, которых упоминала Анна, до сих пор живы? — предположила Елена. — В письме говорится о графе Шереметеве, о какой-то мадам Розенталь...

— И о подвале дома на Гороховой, — добавил Андрей. — "Там всё", — написала она. Что бы это могло значить?

Они сидели в молчании, обдумывая услышанное. За окном кафе шёл мелкий дождь, и прохожие торопливо проходили мимо, прячась под зонтами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.